

ИЗМЕНА.

ТЫ УСТРОИШЬ
НАМ СВАДЬБУ

ЕВА РЕЙН

Ева Рейн

Ты устроишь нам свадьбу!

«Литнет»

2026

Рейн Е.

Ты устроишь нам свадьбу! / Е. Рейн — «Литнет», 2026

— Ты устроишь нам свадьбу, — заявил муж, переступая порог нашей убыточной усадьбы вместе с любовницей и её сыном. А потом добавил, что к осени у меня не останется ни денег, ни гордости, чтобы ему отказать. Три года Дмитрий содержал вторую семью за счёт «Тихого сада», пока я пыталась спасти наше общее дело и верила его рассказам о плохом сезоне. Теперь он оставляет мне долги и обречённую усадьбу, а себе забирает квартиру, машину, сбережения и новую невесту, которой уже пообещал свадьбу в моём доме. Он уверен, что я разорюсь, приползу обратно и собственными руками устрою праздник его предательству. Но этой осенью «Тихий сад» получит новую хозяйку, моя дочь впервые перестанет оправдывать отца, а рядом появится мужчина, которому не требуется ломать меня, чтобы почувствовать себя сильным. Дмитрий всё-таки вернётся за усадьбой, женой и прежней удобной жизнью. Только к тому времени мне останется решить, какую свадьбу провести в назначенный им день — и кого навсегда выставить за ворота.

© Рейн Е., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Чужие имена	5
Глава 2. Три украденных года	12
Глава 3. Взрослой дочери отец не нужен	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Глава 1. Чужие имена

Дорогу от шоссе за ночь перемело, и последние полкилометра Наталья ехала почти на ощупь, ведя машину между двумя неровными снежными валами. Серое февральское небо лежало над полями низко, без единого просвета, а голые ветви яблонь, окружавших усадьбу, темнели на его фоне тонкими спутанными линиями. У ворот она остановилась, вышла и несколько раз дёрнула створку на себя, прежде чем слежавшийся снег отпустил нижний край. Металлическая табличка с названием «Тихий сад» висела чуть косо; осенью Дмитрий обещал вызвать мастера, потом сказал, что до весны всё равно никто не заметит, а Наталья, как обычно, согласилась подождать. Теперь табличка поскрипывала под ветром, и от этого негромкого, давно знакомого звука усадьба казалась ещё более пустой.

В феврале здесь всегда было тихо, но прежде Наталье нравилась эта передышка. После декабрьских праздников можно было вымыть кухню, перебрать скатерти, заменить выцветшие чехлы на стульях, а главное — спокойно раскрыть книгу летних заказов и представить, как снег отступит от дорожек, как зазеленеет сад и под окнами снова появятся люди. В этом году тишина не успокаивала. Большой дом встретил её прохладой, запахом дерева и едва уловимой сыростью, которая прежде появлялась только после осенних дождей. Наталья прошла по залу, провела пальцами по краю длинного стола и заметила на коже серую полосу пыли. Лена приходила дважды в неделю, но одной женщине было трудно уследить за всем домом, особенно после того, как Дмитрий сократил часы уборки и велел экономить даже на средствах для мытья полов.

Наталья сняла пальто в маленьком кабинете возле кухни, повесила его на крючок и включила настольную лампу. Верхний свет работал только наполовину: одна из ламп перегорела ещё перед Новым годом, вторую Дмитрий выкрутил сам, заметив, что в пустом помещении незачем жечь электричество. В желтоватом круге света оказались старый письменный стол, чашка с засохшей на дне кофейной полосой и толстая книга заказов в тёмно-зелёной обложке. Наталья не любила электронные таблицы, которыми пользовался муж. Ей нужно было видеть имена, написанные рукой, помнить лица людей и те мелочи, с которыми они приходили: кому требовалась комната для пожилой бабушки, кто боялся дождя, кто мечтал поставить столы под яблонями, хотя свадьба назначена на самый жаркий месяц.

Она привезла из города термос, бутерброды и целую папку записок. К лету оставалось достаточно времени, но заказов было тревожно мало. Дмитрий уверял, что люди теперь не хотят праздновать за городом и выбирают рестораны поближе, хотя ещё два года назад июньские субботы приходилось отдавать тем, кто вносил деньги за полгода. Наталья собиралась позвонить каждой паре, уточнить пожелания и предложить дополнительные встречи. Возможно, следовало обновить фотографии комнат, снять веранду зимой, придумать небольшие семейные праздники вместо дорогих свадеб. Она ещё не знала, где возьмёт на это силы и деньги, однако впервые за последние месяцы ей хотелось хотя бы попробовать, а не слушать за ужином, почему всё бессмысленно.

Книга открылась на конце июня. На субботней строке раньше стояли имена Олеси Даниловой и Игоря Корнеева, а рядом Наталья собственной рукой нарисовала маленькую ветку яблони — невеста хотела, чтобы этот узор повторялся на карточках для гостей. Они приезжали осенью вместе с отцом Олеси, Михаилом Даниловым, серьёзным широкоплечим мужчиной с ранней сединой на висках. Пока дочь ходила по саду, он трижды спросил, что будет, если пойдёт дождь, и настоял, чтобы ему показали веранду. Задаток внёс сразу, даже не торгуясь, а перед уходом задержался у двери и попросил Наталью не позволять молодым слишком много на себя взваливать. Она тогда улыбнулась и заверила его, что за несколько месяцев они всё подготовят.

Теперь имена Олеси и Игоря были перечёркнуты двумя жирными линиями. Чернила продавили бумагу так сильно, что след проступил на следующей странице. Над ними, тесно втиснув буквы между датой и краем клетки, кто-то написал: «Дмитрий и Кристина». Наталья несколько секунд смотрела на слова, не воспринимая их вместе, как будто имя мужа, оказавшееся рядом с незнакомым женским именем, должно было само рассыпаться на отдельные буквы. Потом она взяла книгу обеими руками и поднесла ближе к лампе. Наклонная буква «Д», короткая перекидающая в «т» и торопливый росчерк в конце принадлежали Дмитрию. Она знала его почерк лучше собственного: двадцать пять лет видела оставленные им записки, поздравления на открытках, перечни продуктов и раздражённые пометки на счетах.

Первым пришло не подозрение, а привычное желание найти простое объяснение. Возможно, Дмитрий собирался записать новую пару и по ошибке выбрал занятую строку. Возможно, речь шла о клиентах, одного из которых тоже звали Дмитрием. Возможно, Кристина была невестой, а имя жениха он вписал неверно, разговаривая по телефону. Наталья открыла ящик, нашла очки, надела их и снова прочитала запись. Никакой фамилии рядом не было, хотя фамилии клиентов они указывали всегда. Не было и номера телефона, суммы задатка, количества гостей. Только два имени, написанные мужем поверх тех, за чью свадьбу Наталья уже отвечала.

Она достала телефон и набрала Дмитрия, но вызов сразу оборвался. Через несколько секунд на экране появилось его короткое сообщение: «Еду. Поговорим на месте». Наталья перечитала его дважды, медленно положила телефон рядом с книгой и только тогда заметила, что мёрзнет. В кабинете работал небольшой обогреватель, однако ладони стали холодными, а пальцы, лежавшие на краю стола, мелко дрожали. Она сжала их, поднялась и подошла к окну. За стеклом снег продолжал сыпаться редкими сухими крупинками, дорожка от ворот уже почти скрыла её следы, и на мгновение Наталье захотелось надеть пальто, закрыть дом и уехать прежде, чем Дмитрий появится.

Этого она не сделала. Вместо бегства Наталья прошла на кухню, включила чайник и достала две чашки, хотя понятия не имела, сумеет ли проглотить хотя бы глоток. Она поставила на стол сахарницу, машинально вытерла рассыпавшиеся крупинки и поправила занавеску над мойкой. Движения получались точными и привычными, потому что здесь всегда находилось дело, способное занять руки. Когда во дворе послышался шум двигателя, Наталья как раз закрывала дверцу шкафа. Автомобиль остановился не возле ворот, а у самого крыльца, хотя Дмитрий обычно ругался, если кто-нибудь оставлял колёса на расчищенной площадке перед домом.

Она увидела его через кухонное окно. Дмитрий вышел первым, обошёл машину и открыл переднюю пассажирскую дверь. Из салона появилась высокая женщина в светлом пуховике, слишком тонком для загородного холода, и сразу взяла мужа Натальи под руку, ожидая, пока он поможет ей переступить через снежную кромку. С заднего сиденья выбрался мальчик лет десяти в тёмно-синей шапке и с большим рюкзаком за плечами. Дмитрий поправил ему шарф, что-то сказал и легко хлопнул по плечу. Этот короткий, заботливый жест ударил Наталью сильнее, чем женская рука на его локте. С собственной дочерью он давно разговаривал так, словно она должна была заранее понимать взрослые трудности и не отвлекать его просьбами.

Дмитрий открыл дверь своим ключом и вошёл, не постучав. На нём было пальто, которое Наталья подарила ему к пятидесятилетию, и серый шарф, выбранный Аней. Раньше, возвращаясь с мороза, он всегда громко втягивал воздух, жаловался на холод и требовал горячего чая, но сегодня лишь отступил в сторону, пропуская женщину и мальчика. Сняв перчатку, он придержал спутницу за талию, чтобы та не поскользнулась на влажном полу. На безымянном пальце не было обручального кольца. Осталась только светлая полоска кожи, которую Наталья разглядела с другого конца коридора.

Женщина заметила её первой. Она на мгновение остановилась, затем улыбнулась с той осторожной вежливостью, которую обычно сохраняют перед неприятным разговором, уже заранее считая его исход решённым. Ей было немного за тридцать; каштановые волосы лежали на плечах мягкими волнами, губы были накрашены неброско, а на щеках после мороза выступил живой румянец. Наталья ожидала увидеть вызывающе юную красавицу, способную одним появлением объяснить мужскую глупость, но перед ней стояла взрослая женщина, одетая дорого и спокойно. От этого становилось хуже: Дмитрий не совершил случайной ошибки и не потерял голову на одну ночь. Для этой женщины он уже выбрал место в доме.

— Наталья, здравствуйте, — произнесла незнакомка и расстегнула пуховик, словно собиралась задержаться надолго. Она посмотрела на Дмитрия, ожидая от него помощи, но тот молчал, и тогда добавила уже менее уверенно: — Я Кристина. Дима говорил, что вы всё знаете и нам останется только обсудить подробности.

Наталья перевела взгляд на мужа. Он не выглядел застигнутым врасплох и не пытался подойти к ней. Стоял возле Кристины, чуть выставив вперёд плечо, будто они вдвоём пришли на сложную встречу, к которой готовились заранее. Мальчик тем временем снял рюкзак и с любопытством посмотрел в сторону большого зала. На его куртке таяли снежинки, с рукава на деревянный пол стекала вода, и Наталья вдруг подумала, что нужно принести тряпку, иначе на досках останутся белёсые разводы.

— Что именно я знаю? — спросила она, не сводя глаз с Дмитрия. Голос прозвучал ровнее, чем она ожидала, только последние слова пришлось произнести медленно, чтобы они не слиплись.

— Не здесь, Наташ, — ответил он и оглянулся на мальчика. Дмитрий говорил негромко, почти укоризненно, словно она уже нарушила какое-то заранее установленное правило. — Давайте сначала всё посмотрим. Тимур замёрз, Кристина тоже. Потом сядем и спокойно поговорим.

— Ты привёз их сюда, — произнесла Наталья, чувствуя, как пальцы сами сжимаются вокруг края дверного проёма. — Ты вписал ваши имена в книгу. А теперь говоришь мне, что обсуждать это нужно не здесь?

Кристина быстро посмотрела на Дмитрия, и её улыбка исчезла. По выражению лица стало ясно, что он действительно убедил её в осведомлённости жены, но открытие не заставило женщину отойти от него или хотя бы застегнуть пуховик обратно. Она лишь поправила ремень сумки и приблизилась к Дмитрию на полшага. Тимур переводил взгляд с одного взрослого на другого, не понимая слов, но уже замечая напряжение, которое наполнило холодный коридор.

— Мам, здесь можно пройти? — спросил он у Кристины, указав на большой зал. Мальчик говорил тихо и держал рюкзак перед собой, словно щит. — Дима сказал, там стеклянная стена и деревья видно.

— Конечно, можно, — сразу ответил Дмитрий, не оставив Наталье возможности открыть рот. Он положил ладонь Тимуру на затылок и направил его в зал. — Иди посмотри веранду. Только ничего не трогай, здесь пока не всё убрано.

Наталья хотела остановить их, потребовать, чтобы муж вывел женщину и ребёнка из дома, но мальчик уже пошёл по коридору, стараясь ступать осторожно. На его ботинках налип снег, оставляя мокрые следы. Он ни в чём не был виноват и, судя по напряжённо поднятым плечам, начинал догадываться, что оказался там, где ему не рады. Наталья отняла руку от дверного косяка, взяла с кухни чистое полотенце и протянула его Кристине.

— Вытрите ему ботинки, пожалуйста, — сказала она, стараясь обращаться только к женщине и не смотреть на Дмитрия. — Пол скользкий. Обогреватель включён в кабинете, если он действительно замёрз.

Кристина взяла полотенце, но не поблагодарила. Она позвала сына и, присев перед ним, провела тканью по носкам его ботинок. Дмитрий наблюдал за ними с таким выражением,

какого Наталья давно не видела на его лице дома: терпеливым, внимательным, почти нежным. Когда-то он так же поправлял Ане шапку перед прогулкой, завязывал ей шнурки и носил на плечах, если она уставала. Потом дочь выросла, и вместе с её детством исчезла та часть Дмитрия, которую Наталья считала надёжной. Теперь оказалось, что она никуда не исчезала. Муж просто перенёс её в другую семью.

— Красиво даже зимой, — заметила Кристина, поднявшись и оглядев зал. Её голос снова обрёл уверенность, потому что Дмитрий стоял рядом. — Летом здесь, наверное, совсем иначе. Арку можно поставить не перед яблонями, а ближе к веранде, чтобы на фотографиях был виден дом. Если пойдёт дождь, гости сразу зайдут внутрь.

Она говорила не как человек, впервые увидевший помещение. Кристина знала, где находится веранда, знала о яблонях и, вероятно, заранее рассматривала фотографии. Дмитрий шёл рядом и кивал, иногда касаясь её локтя. Наталья следовала за ними на расстоянии, испытывая странное ощущение, будто сама превратилась в сотрудницу, обязанную проводить осмотр для новых клиентов. Только обычные невесты не приходили сюда с её мужем и не носили на лице спокойную убеждённость в своём праве выбирать место для свадьбы.

— За столом будет человек сорок, не больше, — продолжала Кристина, останавливаясь у окон. Она приложила пальцы к холодному стеклу, затем недовольно отдернула руку. — Дима хотел позвать всех подряд, но я не понимаю, зачем нам чужие люди. Лучше сделать красиво, только для своих. Тимуру тоже будет легче, если не будет огромной толпы.

— Мам, а я где буду сидеть? — спросил мальчик, уже немного освоившись. Он поставил рюкзак на ближайший стул и заглянул на веранду, где под белыми чехлами стояла летняя мебель. — С вами или с детьми?

— Конечно, с нами, — ответил Дмитрий прежде Кристины. Он улыбнулся Тимуру и легко коснулся его плеча. — Это же наша свадьба.

Последние слова прозвучали буднично. Дмитрий не посмотрел на Наталью, не запнулся и не понизил голоса. Двадцать пять лет брака, общая дочь, дом, купленный после бесконечных поездок по банкам и разговорам с продавцами, все летние ночи, когда они после праздников сами мыли посуду и пересчитывали стулья, уместились для него в паузу между вопросом мальчика и уверенным ответом. Наталья подошла к столу и взяла рюкзак Тимура, чтобы переставить его подальше от белого чехла. Руки слушались, хотя в груди уже не было холода — там поднималось что-то тяжёлое и горячее, мешавшее дышать.

— В книге стоит ваша дата, — сказала она, обращаясь к Дмитрию. — Поверх записи Олеси и Игоря. Ты отменил их свадьбу?

— Я написал им, что произошли изменения, — ответил он. Дмитрий наконец повернулся к жене и нахмурился, раздражённый тем, что она заставляет его обсуждать неприятные подробности при Кристине. — Они молодые, перенесут на другую субботу. Можно предложить скидку или дополнительную ночь для гостей. Ты всегда умела договариваться.

— У них внесены деньги. Приглашены люди. Отец Олеси специально выбирал эту дату, потому что родственники приезжают из другого города, — напомнила Наталья. Она чувствовала, как Кристина смотрит на неё, но не отводила глаз от мужа. — Ты не мог просто написать им, что свадьбы не будет.

— Почему не мог? — Дмитрий пожал плечами и расстегнул пальто, показывая, что никуда не торопится. — Я занимаюсь заказами и имею такое же отношение к этому месту, как ты. Дата нужна нам, а с ними можно договориться. Если ты позвонишь, они согласятся.

Наталья вспомнила Олесю, стоявшую осенью на веранде в слишком лёгких туфлях. Девушка улыбалась, прижимала ладони к щекам и говорила, что именно здесь всегда представляла свой первый танец. Михаил тогда ворчал, что до июня ещё можно десять раз передумать, но, глядя на дочь, сам не мог скрыть улыбки. Для Дмитрия эти люди уже превратились в неудобную запись, которую следовало стереть, потому что ему понадобилась красивая дата.

Наталья понимала, что сейчас думает о чужой невесте лишь потому, что собственная боль пока была слишком велика и не помещалась в голове.

— Нет, — произнесла она, опираясь ладонью на спинку стула. — Я не стану им звонить и уговаривать отказаться от свадьбы.

Кристина вздохнула и обернулась к Дмитрию. В её лице появилось нетерпение женщины, которой обещали быстро решить неприятный вопрос, а вместо этого заставили присутствовать при семейном выяснении. Она сняла перчатки, положила их на подоконник и заговорила мягко, словно обращалась к чрезмерно расстроенному клиенту.

— Наталья, я понимаю, что для вас это неожиданно, — сказала Кристина, тщательно подбирая слова и при этом не делая ни одного движения в сторону выхода. — Наверное, Дима должен был поговорить с вами раньше. Но дата для нас важна. Мы хотели конец июня, чтобы всё было зелёным, без осеннего холода. Если та девушка выбрала усадьбу недавно, ей наверняка можно предложить что-нибудь другое.

— Они выбрали её в сентябре, — ответила Наталья. Она повернулась к Кристине и впервые посмотрела ей прямо в лицо. — А вы когда выбрали моего мужа?

Румянец на щеках женщины стал ярче. Кристина приоткрыла рот, но Дмитрий тут же шагнул между ними, заслоняя её плечом. Он не повысил голоса, однако в выражении его лица появилась знакомая Наталье жёсткость. Так он смотрел, когда считал, что она выставляет его в дурном свете перед поставщиками или сотрудниками.

— Не надо устраивать дешёвых сцен, — сказал Дмитрий, стараясь говорить достаточно тихо, чтобы Тимур, ушедший к противоположному окну, не расслышал. — Кристина не виновата в том, что между нами давно ничего нет. Я собирался всё объяснить нормально, но ты сразу начала цепляться за посторонних людей и какие-то записи.

Наталья медленно выпрямилась. Ей вспомнилось, как неделю назад она гладила ему рубашку перед важной встречей, как утром положила в карман пальто таблетки от головной боли, потому что он опять забыл их дома, как вечером ждала с ужином и не стала звонить, когда Дмитрий написал, что задерживается. Между ними, по его словам, давно ничего не было, однако все эти маленькие услуги он принимал без возражений. Он ел приготовленную ею еду, спал рядом, жаловался на усталость, просил поговорить с Аней, когда дочь сердилась на его очередной отказ приехать. Пустота в их браке, о которой Наталья узнала только сейчас, почему-то всё это время не мешала ему пользоваться его удобствами.

— Я цепляюсь не за записи, — сказала она, понизив голос. — Я пытаюсь понять, почему мой муж привёл в наш дом женщину, собирающуюся стать его женой, и решил, что я должна заниматься её свадьбой.

— Потому что это не только наш дом, но и место, которое должно приносить деньги, — ответил Дмитрий. Он провёл ладонью по волосам и тяжело выдохнул, будто разговор утомлял прежде всего его. — Свадьба получится красивой, фотографии разойдутся, люди увидят усадьбу. Кристина знает многих, она поможет с рекламой. Если ты хоть на минуту перестанешь воспринимать всё как личное оскорбление, то поймёшь, что это выгодно и тебе.

Кристина смотрела на него внимательно, и Наталья заметила в её глазах быстро промелькнувшее сомнение. Возможно, даже она не ожидала, что Дмитрий станет обсуждать выгоду в такую минуту. Однако женщина промолчала, а он, почувствовав отсутствие возражений, подошёл к двери, ведущей из зала в коридор. За кухней находилась лестница на второй этаж, где были гостевые комнаты, а дальше, за домом и яблонями, стоял небольшой хозяйский домик, в котором супруги иногда ночевали после поздних праздников.

— Покажем Тимуру комнаты, — предложил Дмитрий, снова обращаясь к Кристине таким тоном, словно тяжёлый разговор уже закончился. — Наверху есть одна с окнами на сад. А потом посмотрим домик.

— Тот, где две спальни? — уточнила Кристина и поправила волосы, зацепившиеся за ворот пуховика. — Ты говорил, маленькую можно будет отдать Тимуру, если мы станем жить здесь летом. Ему нужен отдельный стол, иначе уроки опять будет делать на кухне.

Наталя почувствовала, как опора стула врезалась в ладонь. Хозяйский домик они с Дмитрием обставляли сами. В маленькой спальне стоял узкий диван, на котором Аня спала ребёнком, когда родители не успевали уехать после свадьбы. В нижнем ящике комода до сих пор лежали старые цветные карандаши и настольная игра с потерянными фишками. Дмитрий не просто показывал Кристине фотографии усадьбы и обсуждал с ней свадьбу. Он уже распределил комнаты, выбрал для чужого мальчика место, где когда-то спала их дочь, и сделал это так же легко, как перечеркнул чужие имена в книге заказов.

— В домик вы не пойдёте, — сказала Наталя. Голос стал глухим, но дрожи в нём больше не было. — И наверх тоже. Забирайте ребёнка и уезжайте.

Тимур услышал последние слова и обернулся. Его лицо сразу стало настороженным, пальцы крепче сжали лямку рюкзака. Кристина подошла к сыну, положила руку ему на плечо и посмотрела на Наталю с плохо скрытым раздражением, словно именно хозяйка усадьбы испортила мальчику обещанную прогулку. Дмитрий тоже заметил его испуг и воспользовался этим мгновенно.

— Вот поэтому я и не хотел начинать разговор при Тимуре, — произнёс он с упрёком. Он подошёл к мальчику и присел, чтобы оказаться с ним на одном уровне. — Всё хорошо. Наташа просто устала и пока не разобралась. Иди с мамой в кабинет, там тепло. Я сейчас всё объясню.

— Не называй меня так, будто я одна из твоих сотрудниц, которая перепутала дату, — сказала Наталя. Она не позволила себе посмотреть на мальчика, потому что его растерянность могла заставить её говорить мягче, а Дмитрий именно на это и рассчитывал. — Ты привёз его сюда, чтобы я не могла спросить тебя о любовнице. Не прикрывайся теперь тем, что сам устроил.

Дмитрий медленно поднялся. На несколько секунд с его лица исчезло показное терпение, обнажив злость человека, которому неожиданно отказались облегчить задуманное. Кристина отвела Тимура к окну и стала что-то говорить ему вполголоса, показывая на заснеженные яблони. Мальчик слушал невнимательно и то и дело оглядывался. Наталя видела это и ненавидела мужа ещё сильнее за то, что он привёл ребёнка в дом, где собирался растоптать одну женщину ради другой.

— Я никем не прикрываюсь, — ответил Дмитрий, снова овладев голосом. Он подошёл ближе, но остановился по другую сторону стола. — Решение принято. Мы с Кристиной будем вместе. Чем быстрее ты это примешь, тем меньше грязи придётся пережить всем нам. Я не хочу войны, разделов на годы и истерик перед Аней. Хочу, чтобы мы повели себя как взрослые люди.

— Как взрослые люди предупреждают жену до того, как приводят любовницу выбирать комнату для её сына, — произнесла Наталя. Она заметила, как Дмитрий поморщился от самого слова, будто неприличным было не его поведение, а её точность. — Они не вычёркивают чужую свадьбу и не предлагают жене обслужить собственное унижение.

— Перестань всё преувеличивать, — сказал он уже жёстче. — Ты умеешь устраивать праздники, Кристина хочет свадьбу здесь, а усадьбе нужна реклама. Это работа, Наташа. Никто не заставляет тебя стоять рядом с нами во время церемонии и улыбаться.

Кристина повернулась от окна, но вмешиваться не стала. Её ладонь по-прежнему лежала на плече сына, и в этом жесте Наталя различила не только заботу, но и право, которое женщина уже присвоила себе: право быть той, кого Дмитрий защищает, чьего ребёнка успокаивает, чьи желания считает достойными исполнения. Наталя же должна была остаться по другую сторону — полезной, опытной, способной всё подготовить и вовремя исчезнуть с чужого праздника.

— Ты устроишь нам свадьбу, — продолжил Дмитрий, и теперь в его голосе появилась почти усталая уверенность. Он говорил так, как прежде сообщал, что пригласил к ним гостей и Наталье придётся приготовить ужин, или что обещал знакомым скидку, не спросив её согласия. — Лучше тебя всё равно никто не сделает. Ты знаешь этот дом, знаешь людей, умеешь сглаживать сложности. Не ломай то, что ещё может принести пользу.

Наталья не сразу ответила. Она прошла мимо него в кабинет, чувствуя за спиной взгляды троих людей, открыла книгу заказов и принесла её в зал. Бумага шуршала под пальцами, зелёная обложка казалась неожиданно тяжёлой. Остановившись у стола, Наталья раскрыла страницу на конце июня и повернула книгу к Дмитрию.

— Здесь была запись, — сказала она, коснувшись перечёркнутых имён. — Олеся Данилова и Игорь Корнеев. Они внесли деньги, пригласили родных и доверили мне свой день. Их свадьба состоится здесь в назначенную дату.

— Значит, выберем осень, — без раздумий ответил Дмитрий. Он даже не посмотрел на имена людей, которых попытался лишить праздника, а перевёл взгляд на Кристину. — В конце октября здесь тоже красиво. Сделаем всё внутри, зажжём камин, веранду украсим огнями. Так даже интереснее.

— Дима, ты говорил про июнь, — тихо напомнила Кристина, прижав к себе Тимура. Впервые с момента приезда в её голосе прозвучало не раздражение на Наталью, а недовольство самим Дмитрием. — Платье выбрано для тёплой погоды. И мама уже знает дату.

— Маму предупредим, платье дополним накидкой, — отрезал он, но тут же смягчил тон и коснулся её руки. — Это не проблема. Главное, место будет наше. К осени всё уладится.

Наталья смотрела на его ладонь, лежавшую поверх пальцев Кристины. Точно так же он когда-то накрывал её руку на столе, если хотел прекратить спор при посторонних. В этом движении не было нежности — только обещание, что он контролирует происходящее и не позволит чужому несогласию изменить его планы. Кристина поджала губы, но кивнула. Тимур устало прислонился к матери, явно перестав понимать, зачем его привезли в холодный загородный дом.

— В октябре вашей свадьбы здесь тоже не будет, — сказала Наталья. Она закрыла книгу, оставив ладонь на зелёной обложке. — Ни летом, ни осенью. Я не стану её устраивать.

Дмитрий посмотрел на неё долго и почти с любопытством, словно перед ним заговорил предмет, чьего голоса он прежде не замечал. Потом его рот тронула короткая снисходительная улыбка. Он надел перчатки, кивнул Кристине в сторону выхода и только перед дверью снова повернулся к жене.

— Ты передумаешь, Наташа, — произнёс он спокойно, поправляя ворот пальто. — Ты всегда сначала обижаешься, а потом делаешь то, что нужно семье. К осени успокоишься и всё устроишь как следует.

Он открыл дверь, впуская в зал порыв холодного воздуха. Кристина вывела Тимура на крыльцо, Дмитрий последовал за ними, не сомневаясь, что разговор закончен именно так, как ему требовалось. Наталья осталась возле стола, прижимая ладонь к книге заказов, в которой его именем были перечёркнуты имена других людей. За окнами машина медленно развернулась и покатила к воротам, а на мокром полу сохранились четыре цепочки следов: её собственные, мужские, женские и маленькие детские, приведённые сюда затем, чтобы ей было труднее сказать нет.

Глава 2. Три украденных года

Машина не сразу исчезла за воротами. Наталья стояла у окна и смотрела, как красные огни медленно проплывают между снежными валами, затем останавливаются возле сторожки. Дмитрий вышел со стороны водителя, обошёл капот и наклонился к открытому окну. Кристина что-то сказала ему, резко повернув голову в сторону усадьбы, но он ответил спокойно, протянул ей ключи и дождался, пока она пересядет за руль. Тимур сидел сзади, прижавшись лбом к стеклу, и Наталья отвернулась прежде, чем мальчик мог заметить её в окне. Через минуту автомобиль выехал на дорогу, а Дмитрий закрыл ворота и пошёл обратно, глубоко засунув руки в карманы пальто.

Он вернулся в дом без стука и долго отряхивал снег с ботинок, словно за эти несколько минут ничего не произошло. Наталья не двинулась ему навстречу. Она всё ещё стояла возле стола, на котором лежала раскрытая книга заказов, и видела мужа через широкий дверной проём. Дмитрий снял пальто, повесил его рядом с её одеждой, поправил съехавший шарф и прошёл на кухню. Там он включил чайник, нашёл чашку, заглянул в сахарницу и только после этого посмотрел на Наталью.

— Кристина отвезёт Тимура домой, — сообщил он, наливая себе воду из графина. Его голос снова стал привычным, домашним, как будто речь шла о знакомых, заглянувших на несколько минут. — Я сказал ей, что нам нужно поговорить без свидетелей. Она расстроилась из-за даты, но я всё объясню. Конец октября ничем не хуже июня.

Наталья вошла на кухню и остановилась у противоположного края стола. Между ними лежала клеёнка с выцветшими лимонами, купленная Тamarой Павловной много лет назад, когда в усадьбе ещё не было отдельной комнаты для сотрудников. Дмитрий терпеть её не мог и каждое лето требовал выбросить, однако именно сейчас поставил на один из лимонов чашку и привычно подвинул к себе сахарницу. Он находился здесь как хозяин, уверенный в праве пить чай, обсуждать планы и решать, кто будет жить в маленьком доме за яблонями.

— Сколько? — спросила Наталья. Она не села, хотя колени уже начинали ныть от напряжения. — Я хочу знать, сколько это продолжается.

Дмитрий положил ложку на блюдце и посмотрел на неё так, будто заранее готовился не к вопросу, а к неправильной реакции. Он чуть откинулся на спинку стула, провёл пальцами по подбородку и вздохнул. Наталья знала этот вздох. Обычно он означал, что она вынуждает его объяснять очевидное, хотя могла бы сама проявить сообразительность.

— Три года, — произнёс он после короткой паузы. — Чуть больше трёх, если тебе необходима точность. Но это ничего не меняет. Между нами всё закончилось гораздо раньше.

Сначала Наталья не поверила, что расслышала правильно. Три года были слишком большим сроком, чтобы уместиться в короткий ответ за кухонным столом. Она ожидала нескольких месяцев, прошлой осени, новогоднего вечера, после которого Дмитрий стал особенно часто задерживаться. Три года означали три её дня рождения, три годовщины, три зимы, в которые она прогревала по утрам его машину, потому что он жаловался на спину. Это был не тайный провал, случившийся недавно, а вторая жизнь, построенная рядом с первой и прикрытая её ежедневной заботой.

— Чуть больше трёх, — повторила Наталья, медленно отодвигая стул. Деревянные ножки скрипнули по плитке, и этот звук показался ей слишком громким. — Когда именно?

— В ноябре будет четыре, — ответил Дмитрий, уже заметно раздражаясь. — Познакомились раньше, но сначала ничего не было. Если ты собираешься пересчитывать каждый день и спрашивать, где я находился в конкретный вторник, разговор потеряет всякий смысл.

В ноябре три года назад Наталья лежала в городской больнице после небольшой операции. Ничего опасного, уверяли врачи, но наркоза она боялась так сильно, что накануне почти

не спала. Дмитрий привёз её утром, помог донести сумку и уехал, сославшись на срочный разговор с поставщиком. Вечером он не приехал, потому что якобы застрял в пробке на другом конце города, а на следующий день прислал цветы через курьера. Наталья тогда ещё пожалела его: столько дел, усадьба, долги, нервные заказчики, а он всё-таки не забыл о букете.

— Пока я была в больнице? — спросила она, чувствуя, как холод возвращается в пальцы. — Ты уже встречался с ней, когда я лежала после операции?

— Мы разговаривали, — отрезал Дмитрий и отвёл взгляд к окну. — Не начинай теперь придумывать особенно трагичные совпадения. Да, мы были знакомы. Да, я виделся с ней в те дни. Ты находилась под наблюдением врачей и прекрасно могла обойтись без меня несколько вечеров.

Наталья опустилась на стул. Он ответил так буднично, что на мгновение ей стало трудно понять, где именно находится чудовищность: в самом поступке или в его уверенности, будто ничего другого от него и не требовалось. Дмитрий взял чашку, сделал глоток и поморщился — вода ещё не успела вскипеть, чай получился слабым. Он всегда жаловался, если Наталья заваривала его недостаточно крепко, и она вдруг заметила, что даже сейчас ждёт от себя привычного движения: встать, открыть шкаф, достать новую заварку и исправить.

Она не встала. Чайник щёлкнул, сообщая, что вода вскипела, но Наталья оставила его на месте. Дмитрий посмотрел сначала на прибор, потом на неё и, поняв, что обслуживать его никто не собирается, поднялся сам. Он вылил чай, приготовил новый и всё это время сохранял молчание, будто давал жене возможность успокоиться и вернуться к более разумному поведению.

— Кто она? — спросила Наталья, когда он снова сел. — Где ты её нашёл?

— Кристина работала с людьми, которые проводили у нас праздник, — ответил Дмитрий. Он обхватил чашку ладонями и на этот раз заговорил охотнее, потому что вопрос позволял перейти от его лжи к достоинствам другой женщины. — Мы потом случайно встретились в городе. Она совсем не такая, какой ты сейчас стараешься её представить. У неё своя работа, ребёнок, непростая жизнь. Она ничего от меня не требовала.

Наталья вспомнила дорогой пуховик, уверенный разговор о платье и комнату, заранее выбранную для Тимура. Кристина действительно могла ничего не требовать вслух. Дмитрий и без требований перечеркнул для неё чужую свадьбу, отдал комнату своей дочери и привёл в дом, где ещё висело пальто жены. Наталья посмотрела на светлую полоску на его безымянном пальце и представила, как он снимал кольцо перед встречами, а потом возвращался домой и надевал снова. Последние месяцы он почти не расставался с перчатками, уверяя, что мёрзнут руки.

— Она знала, что ты женат? — спросила Наталья. — Все эти три года она знала обо мне?

— Разумеется, знала, — ответил Дмитрий, чуть пожав плечами. — Я не говорил, что свободен. Но я объяснил ей наше положение. Она понимала, что мы живём вместе только по привычке и из-за общего дела.

— Какое положение ты ей объяснил? — Наталья наклонилась вперёд, стараясь не повышать голоса. — Что я каждое утро готовлю тебе завтрак? Что мы спим в одной комнате? Что в прошлом месяце ты купил мне цветы на годовщину и сказал, что хочешь летом съездить вместе на море?

— Мы не ездили на море уже пять лет, — бросил Дмитрий, словно это опровергало всё остальное. — А цветы можно подарить человеку, с которым прожил много лет. Не обязательно изображать из каждого жеста большую любовь.

Он говорил о браке как о недоразумении, которое Наталья одна по рассеянности принимала всерьёз. Дмитрий не отрицал ни общего дома, ни постели, ни семейных ужинов, но теперь каждому воспоминанию находил более удобное название. Цветы становились вежливостью, забота — привычкой, близость — ничего не значащим продолжением старого порядка. Ната-

ля слушала и понимала, что муж не просто уходил к другой женщине. Он пытался забрать у неё право считать настоящими все годы, в которые она ему верила.

— Почему ты не ушёл раньше? — спросила она. — Если между нами давно ничего нет, почему три года жил в нашей квартире и возвращался ко мне?

Дмитрий снова вздохнул, но теперь в его лице появилась усталость, почти похожая на жалость. Он отставил чашку, сцепил руки на столе и заговорил размеренно, будто объяснял ребёнку последствия необдуманного поступка.

— Потому что всё не делается за один день, Наташа. У нас Аня, усадьба, квартира, обязательства. Ты плохо переносишь перемены и любую проблему превращаешь в катастрофу. Я ждал подходящего момента, хотел подготовить тебя. Кроме того, Кристине требовалось время. Тимур не сразу привык ко мне, нельзя было ворваться в его жизнь и тут же исчезнуть.

— Значит, чужого ребёнка ты боялся потревожить, а собственную жену три года держал в постели рядом с собой, потому что она плохо переносит перемены, — произнесла Наталья. Она почувствовала, как к горлу подкатывает тошнота, и заставила себя дышать медленнее. — Очень бережно с твоей стороны.

— Ты снова всё передёргиваешь, — Дмитрий нахмурился и постучал указательным пальцем по столу. — Я не жил у неё каждый день и не бросал семью. Я выполнял всё, что должен был выполнять. Деньги приносил, счета оплачивал, в усадьбе работал. У тебя была нормальная жизнь.

Последние слова заставили Наталью посмотреть на него внимательнее. Раньше она полагала, что грубость Дмитрия появляется от усталости и страха перед долгами, но теперь увидела другое: он действительно считал предоставленную ей жизнь достаточной. Квартира, продукты, совместная постель по выходным и право бесконечно заниматься «Тихим садом» должны были заменить честность, близость и уважение. Всё, что он оставил себе — любовь, выбор, новую семью, — представлялось ему излишеством, без которого Наталья могла прекрасно обойтись.

— Деньги приносил? — переспросила она, оглядывая холодную кухню. — Какие деньги, Дима? В декабре Тамара Павловна две недели ждала остаток зарплаты. Мы отменили замену матрасов, потому что ты сказал, что нет средств. Лена сама покупала моющие средства, а я возвращала ей из своих денег. Куда всё уходило?

Дмитрий не ответил сразу. Он взял чашку, но пить не стал, лишь повертел её между ладонями. Наталья заметила, что впервые за весь разговор он избегает её взгляда. Не больница, не ложь Кристине, не близость с двумя женщинами заставили его замолчать, а вопрос о деньгах.

— Усадьба давно почти ничего не приносит, — произнёс он наконец. — Ты сама знаешь, сколько у нас свободных дат. Люди экономят, продукты дорожают, содержание дома обходится всё больше. Я предупреждал, что нужно сокращать расходы.

— Я хочу увидеть, — сказала Наталья, вставая. Слабость отступила, уступая место тяжёлой сосредоточенности. — Все траты за последние три года. Не твои записи в тетради, где каждый месяц заканчивается словами «ремонт» и «реклама», а настоящие платежи.

Дмитрий усмехнулся, однако Наталья уже шла в кабинет. Она села за компьютер, нажала кнопку и ждала, пока старый экран наполнится бледным светом. Муж вошёл следом, остановился у двери и скрестил руки на груди. На полке возле стола стояли папки по годам. Раньше Наталья открывала их только тогда, когда требовалось найти платёж конкретного клиента; всеми остальными делами занимался Дмитрий. Он говорил, что ей незачем тратить время на цифры, если у неё и без того хватает забот с кухней, комнатами и гостями.

— Пароль ты сменил? — спросила она, когда привычная комбинация не подошла. — В прошлом году здесь был день рождения Ани.

— Сменил после того, как компьютер пытались взломать, — ответил Дмитрий. Он подошёл ближе, наклонился через её плечо и набрал несколько знаков. Наталья почувствовала запах его одеколона, смешанный с морозным воздухом и чужими духами, оставшимися на шарфе.

— Только не делай выводов из каждой покупки. Там много расходов, которые ты всё равно не поймёшь.

— Тогда объяснишь, — сказала она и отодвинулась так, чтобы его рукав не касался её плеча.

Сначала на экране появились привычные названия: продукты, бельё, отопление, посуда, оплата временным работникам. Наталья узнавала суммы и даты, помнила мероприятия, после которых приходилось покупать новые бокалы или срочно заказывать продукты. Затем среди них обнаружили повторяющиеся переводы, обозначенные Дмитрием как расходы на продвижение и работу с заказчиками. Деньги уходили почти каждый месяц, иногда небольшими частями, иногда сразу значительными суммами. Получатель был один и тот же, но вместо полного имени значились только инициалы.

— К. В., — прочитала Наталья. Она подняла голову и посмотрела на мужа. — Кристина Ветрова?

— Да, — ответил Дмитрий без заметного смущения. — Она помогала искать клиентов. Общалась с людьми, размещала информацию, советовала, что сейчас нравится молодым. Ты же не думаешь, что всё делается бесплатно?

Наталья открыла следующую папку. Внутри лежали счета, которые Дмитрий не выбросил, потому что привык сохранять каждую бумагу. Среди чеков за продукты и бельё обнаружили покупки из магазина мебели: кухонный стол, шесть стульев, диван, светильники. Дата совпадала с месяцем, когда они отказались обновить три гостевые комнаты. Дмитрий тогда говорил, что старые кровати прослужат ещё сезон, а гости приезжают спать, а не рассматривать обстановку.

— Это тоже поиск клиентов? — спросила Наталья, развернув к нему лист. — Диван помогал размещать рекламу?

— У Кристины был ремонт, — ответил Дмитрий после короткой паузы. — Квартира досталась ей от бабушки в ужасном состоянии. Я помог привести её в порядок.

— Ты помог из денег усадьбы.

— Из наших денег, — поправил он и раздражённо повёл плечом. — Не делай вид, будто каждая заработанная здесь копейка принадлежит лично тебе. Я столько же вложил в это место и имел право распоряжаться частью дохода.

Наталья продолжила перебирать бумаги. Два года назад они отказались от новой посуды, потому что Дмитрий убедил её: сначала нужно вложиться в хорошие фотографии и показ «Тихого сада» для городских организаторов. Деньги ушли на неделю в Сочи для трёх человек. В выписке значились гостиница, билеты и ресторан у моря. В те же даты Дмитрий находился якобы на встрече в другом городе. Наталья оставалась в усадьбе одна, принимала юбилей на шестьдесят гостей и ночью вместе с Леной оттирала воск от пола, потому что не хватило денег вызвать уборщиков.

Чуть дальше нашлись платежи за детский языковой лагерь, занятия плаванием и дорогой велосипед. Наталья представила Тимура, стоявшего сегодня у окна с большим рюкзаком, и заставила себя отделить мальчика от мужчины, который покупал ему подарки. Ребёнок не знал, откуда приходили деньги, и не просил Дмитрия задерживать зарплату Тамаре Павловне. Но это понимание не уменьшало боли. Пока Аня откладывала поездку с подругами, потому что отец говорил о тяжёлом годе и необходимости помочь семье, он оплачивал летний лагерь чужому сыну.

— Аня прошлой весной сама заплатила за курсы, — сказала Наталья, не отрывая взгляда от экрана. — Ты обещал вернуть ей половину и потом заявил, что усадьба опять не заработала. Через четыре дня после этого ты оплатил Тимуру лагерь.

— Аня взрослая и работает, — ответил Дмитрий. В его голосе прозвучало раздражение, будто Наталья нарочно сравнивала несравнимое. — Ей полезно понимать цену деньгам. У Тимура нет отца, который мог бы помочь.

— У него была мать и появился ты. А у Ани отец в это время учил её понимать цену деньгам.

— Не втягивай сюда дочь, — резко потребовал Дмитрий. Он шагнул к столу и захлопнул папку, прижав её ладонью. — Это наши отношения, и мы сами с ними разберёмся.

— Она знает? — спросила Наталья, удерживая его взгляд. — Знает, что ты женишься через несколько месяцев?

— Пока нет. Я хотел, чтобы мы сказали ей вместе и без твоих обвинений. Завтра пригласим её домой, всё объясним.

Слово «домой» он произнёс так, будто городская квартира уже принадлежала ему одному, а Наталья должна была явиться туда ради согласованного разговора. Она посмотрела на закрытую папку под его рукой, затем медленно вытащила её и положила перед собой. Дмитрий не сопротивлялся. Он, кажется, решил, что скрывать больше нечего, а цифры лишь подтвердят давно подготовленный вывод: «Тихий сад» убыточен, брак закончен, и Наталье остаётся выбрать наиболее безболезненный способ согласиться.

— Тамара Павловна просила выплатить ей деньги перед Новым годом, — произнесла Наталья, снова перебирая листы. — У её внуки были дорогие лекарства. Ты сказал, что на счёте пусто и клиенты задержали оплату. В тот же день Кристина получила от тебя сто двадцать тысяч.

— Ей нужно было закончить ремонт до праздников, — ответил Дмитрий. — Рабочие собирались уйти на другой заказ.

Наталья медленно подняла голову. Он даже не заметил, что объяснение делает его поступок хуже. Для него чужая кухня, которую нужно закончить к праздникам, была настоящей необходимостью, а просьба пожилой женщины получить заработанное — помехой, способной подождать. Тамара тогда ничего не сказала Наталье, только стала приносить на работу еду из дома и перестала покупать себе кофе. Наталья узнала о лекарствах случайно и отдала ей деньги из собственных накоплений, после чего Дмитрий ещё упрекнул жену в том, что она не умеет отделять работу от жалости.

— Ты брал деньги не один раз, — сказала она. — Ты делал это каждый месяц. Потом приходил ко мне и объяснял, что мы плохо работаем. Что люди больше не хотят ехать за город, что кухня слишком много тратит, что сотрудники обленились, а я не умею руководить. Ты смотрел, как я сокращаю заказы и извиняюсь перед людьми за задержки, хотя сам всё это устроил.

— Я ничего не устраивал, — возразил Дмитрий, повысив голос. — Усадьба и без того шла ко дну. Если бы дела действительно были хороши, несколько переводов ничего бы не изменили. Я не обязан был отказывать себе во всём только потому, что ты вцепилась в старый дом и считаешь его смыслом жизни.

— Несколько переводов? — Наталья перевернула лежавшие перед ней листы. Бумаги разъехались по столу, открывая суммы, даты и названия магазинов. — Здесь три года. Мебель, поездки, подарки, занятия, рестораны. Здесь зарплаты людей и комнаты, которые мы не отремонтировали. Здесь деньги клиентов, доверивших их нам.

Дмитрий посмотрел на бумаги и устало потёр переносицу. Ни стыда, ни растерянности в его лице не появилось. Он видел перед собой не доказательство предательства, а неприятную ведомость расходов, которую жена изучала слишком придирчиво.

— Я содержал женщину, с которой собираюсь жить, — сказал он. — Да, помогал ей и Тимуру. Я не брошу ребёнка только потому, что тебе больно это слышать. И не стану оправдываться за каждый купленный ему велосипед. Кристина дала мне то, чего давно не было дома:

ощущение, что меня ждут как мужчину, а не как человека, который должен бесконечно затыкать дыры в твоём хозяйстве.

Наталья почувствовала, как внутри поднимается смех, но вместо него из горла вырвался короткий хриплый вдох. «Дыры в хозяйстве» он затыкал деньгами, оставшимися после того, как забирал нужное другой женщине. Потом возвращался и упрекал Наталью в том, что их не хватает. Даже теперь он представлял себя измученным кормильцем двух семей, хотя одну из них годами заставлял оплачивать вторую.

— Ты сам создавал эти дыры, — произнесла она. — А потом наказывал меня за то, что я не могла их закрыть.

— Удобное объяснение, — усмехнулся Дмитрий. Он отошёл от стола и остановился у окна, за которым снег постепенно скрывал следы машины. — Но даже если вернуть всё до копейки, усадьба не станет прибыльной. Дом стареет, заказов мало, люди уходят. Ты продолжаешь верить, что ещё одна красивая свадьба всё исправит, хотя это место давно съедает больше, чем даёт.

— Тогда зачем ты решил устроить здесь свою свадьбу?

Вопрос заставил его замолчать. Дмитрий обернулся, но Наталья уже видела ответ в его лице. Он считал «Тихий сад» достаточно хорошим для красивых фотографий, гостей Кристины и собственного торжества, но недостаточно ценным, чтобы вкладывать в него деньги. Всё привлекательное в усадьбе он воспринимал как принадлежащее ему по праву, а всё трудное собирался оставить жене.

— Потому что место всё ещё можно использовать, — сказал он наконец. — Один раз. И потому что Кристине здесь понравилось. После свадьбы будем решать, что делать дальше.

— Ты уже решил, — ответила Наталья, указывая на бумаги. — Три года назад.

Дмитрий вернулся к столу и сел напротив. Теперь его движения стали собранными, почти деловыми. Он вытащил из внутреннего кармана телефон, положил его рядом с чашкой и некоторое время смотрел на тёмный экран. Наталья знала эту перемену: муж счёл разговор о чувствах бесполезным и собирался перейти к тому, что, по его мнению, действительно имело значение.

— Хорошо, — произнёс он. — Давай без истерик обсудим, как разойтись. Ты хочешь оставить усадьбу, я это понимаю. Забирай её вместе с мебелью, оборудованием и всеми будущими заказами. Я оставлю себе квартиру, машину и большую часть денег, которые ещё есть. Ане помогать будем оба, хотя она уже способна содержать себя.

Наталья несколько мгновений смотрела на него, ожидая продолжения. Предложение было произнесено таким тоном, будто Дмитрий совершал благородный поступок и добровольно отказывался от дорогой собственности ради душевного спокойствия жены. Но на столе перед ней лежали доказательства того, как последовательно он лишал усадьбу сил. Он хотел забрать готовую городскую жизнь и оставить Наталье дом с пустеющим календарём, изношенными комнатами и людьми, которым нужно платить.

— Ты предлагаешь мне то, что сам называешь убыточным, — сказала она. — А себе берёшь квартиру, машину и деньги.

— Я предлагаю тебе то, без чего ты всё равно не представляешь жизни, — возразил Дмитрий. Он развёл руками и немного наклонился к ней, стараясь вернуть разговору вид разумного соглашения. — Если продадим усадьбу сейчас, ты будешь годами обвинять меня, что я отнял твою мечту. Поэтому бери и попробуй. Я не стану мешать.

— Ты уже три года мешал.

— Не начинай сначала, — перебил он и постучал пальцами по столу. — Я говорю о будущем. У тебя будет «Тихий сад», у меня — квартира. Каждый займётся своей жизнью. Это лучше, чем бесконечно ругаться и делить каждую чашку.

Наталья посмотрела на чашку перед ним, на потемневший ободок чая и ложку, оставленную поперёк блюда. Двадцать пять лет совместной жизни действительно могли закончиться перечислением комнат, автомобиля и посуды, но сейчас её занимало другое. Дмитрий отдавал усадьбу слишком легко. Он никогда добровольно не уступал то, что считал ценным, и умел торговаться даже из-за суммы, которую другие люди сочли бы смешной.

— Почему ты не хочешь продать её сразу? — спросила Наталья. — Если уверен, что она никому не нужна, зачем оставляешь мне?

Дмитрий усмехнулся, и в этой усмешке появилось то превосходство, которое прежде Наталья принимала за уверенность человека, лучше понимающего деньги. Он откинулся на стуле и посмотрел на неё почти доброжелательно.

— Потому что ты не согласишься. А ещё потому, что иногда человеку нужно позволить самому убедиться в очевидном. Ты продержишься несколько месяцев, потратишь то, что у тебя останется, устанешь от отопления, зарплат и пустых комнат. Потом придёшь ко мне и скажешь, что готова отдать усадьбу. Я заберу её, если к тому времени здесь ещё будет что забирать.

Он произнёс это без угрозы. Дмитрий действительно представлял будущую сцену: Наталья, обессиленная и пристыженная, приходит в городскую квартиру, признаёт его правоту и просит избавить от бесполезного дома. Возможно, он уже рассказывал Кристине именно такую версию. Поэтому она спрашивала о комнате для сына и говорила о летней жизни в усадьбе, которую Дмитрий сейчас так великодушно предлагал жене.

— Значит, Кристине ты пообещал этот дом, — сказала Наталья. — Сначала оставляешь его мне, ждешь, пока я разорюсь, а потом забираешь обратно и привозишь сюда новую семью.

— Не драматизируй, — ответил Дмитрий, хотя отрицать ничего не стал. — Если ты справишься, усадьба останется у тебя. Если нет, будет разумнее, чтобы она вернулась ко мне, а не досталась первому покупателю за бесценок. Кристине нравится место, но она понимает, что сейчас здесь нельзя нормально жить.

— Она уже выбирает комнату для Тимура.

— Потому что думает о будущем. В отличие от тебя она умеет смотреть вперёд, а не цепляться за обиды.

Наталья закрыла глаза на несколько секунд. Перед ней снова возникла Кристина у окна: ухоженная, спокойная, уверенная в том, что жена должна уступить ей не только мужчину, но и летнюю дачу, дом, яблони, веранду. Возможно, Дмитрий нарисовал ей будущее, где Наталья присутствовала лишь временной помехой — женщиной, которую следовало немного подождать. Он обещал каждой то, что собирался отнять у другой: Кристине — усадьбу, Наталье — возможность сохранить её. Единственным человеком, чьими потерями он не рисковал, оставался он сам.

Телефон Дмитрия завибрировал на столе. На экране высветилось имя Кристины, а под ним начало сообщения: «Мама очень расстроилась из-за июня...» Он быстро перевернул телефон, но Наталья уже успела прочитать. Дмитрий взял аппарат, написал несколько слов и убрал в карман.

— Последняя суббота октября, — сообщил он. — Кристина согласна. До этого времени достаточно далеко, чтобы ты пришла в себя и занялась подготовкой без лишних эмоций.

— Я уже сказала, что не стану устраивать вашу свадьбу.

— Сейчас сказала, — поправил Дмитрий. Он поднялся и взял пальто с крючка. — Но к октябрю положение изменится. У тебя будет пустой календарь, расходы и люди, которым нужно платить. Наша свадьба приведёт гостей, фотографии, знакомых Кристины. Ты сама поймёшь, что не можешь отказаться от такого события.

— Даже если усадьба будет моей?

— Особенно если будет твоей, — ответил он, надевая шарф. — Гордость хороша, пока за неё не приходится платить. К осени у тебя не останется ни денег, ни желания изображать

оскорблённую жену. Ты откроешь эту книгу, запишешь нас на свободную дату и сделаешь всё как следует. Потому что больше ты ничего не умеешь так хорошо.

Наталья смотрела, как он застёгивает пальто, и вспоминала сотни праздников, которые действительно умела устраивать. Она помнила испуганных невест, разозлённых родственников, опоздавших музыкантов, детей, испачкавших нарядную одежду за пять минут до фотографий. Все эти годы её способность успокаивать, исправлять и удерживать происходящее от распада казалась частью работы. Теперь Дмитрий рассчитывал применить её к собственному предательству: причинить боль, привести любовницу, отдать жене разорённое дело и ждать, пока она сама превратит его поступок в красивый праздник.

— Ключ от кабинета оставь, — сказала Наталья, когда он подошёл к выходу. — И от хозяйского домика тоже.

Дмитрий остановился, затем медленно обернулся. В его глазах мелькнуло удивление, но почти сразу сменилось насмешкой. Он достал связку, снял с кольца два ключа и положил их на край стола.

— Пользуйся, — произнёс он. — Всё равно ненадолго. Завтра поговорим с Аней, а потом начнём оформлять то, что решили.

— Мы ничего не решили, — ответила Наталья, не прикасаясь к ключам. — Я сначала узнаю настоящее состояние усадьбы. Без твоих объяснений.

Дмитрий пожал плечами, как человек, заранее простивший другому бесполезное упрямство. Он вышел в коридор, открыл дверь и остановился на крыльце, увидев, что машины нет. Вероятно, только теперь вспомнил, что отдал её Кристине. Несколько секунд он стоял под снегом, затем достал телефон и кому-то позвонил, не возвращаясь за теплом. Наталья слышала сквозь приоткрытую дверь его недовольный голос: муж требовал прислать такси и объяснял, как найти поворот к усадьбе.

Она закрыла дверь, вернулась в кабинет и ещё долго сидела перед разбросанными бумагами. Три года лежали перед ней не воспоминаниями, а суммами, датами и чужими покупками. Где-то между диваном для Кристины и поездкой к морю была просьба Тамары Павловны о заработанных деньгах; между велосипедом Тимура и ресторанным счётом — Анины курсы, которые дочь оплатила сама; между украшением и гостиницей — комнаты «Тихого сада», оставленные стареть ещё один сезон. Наталья достала чистый лист, положила рядом с книгой заказов и начала переписывать каждую найденную трату, потому что больше не собиралась верить Дмитрию на слово.

Когда такси увезло его, за окнами уже темнело. Наталья зажгла лампу, открыла книгу на конце июня и провела пальцами по перечёркнутым именам. Ниже, на свободном поле, она крупно написала: «Олеся Данилова и Игорь Корнеев. Запись действительна». Затем указала внесённую сумму, закрыла книгу и убрала её в нижний ящик стола вместе с ключами. Дмитрий оставил ей холодный дом, пустые комнаты и чужие расходы, уверенный, что к осени она приползёт обратно. Наталья пока не знала, сможет ли сохранить усадьбу, но уже знала, чью свадьбу здесь устроит первой.

Глава 3. Взрослой дочери отец не нужен

Ане Дмитрий позвонил на третий день после своего признания. Наталья узнала об этом

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.